Василий ГРИШАЕВ

РАБФАКОВЦЫ

Раньше нас учили, что до революции все было плохо. Теперь некоторые исследователи и политики уверяют, что все было плохо при советской власти. Я не за белых и не за красных. Я лишь за то, чтобы каждый раз, при воцарении нового правителя, не переписывать заново и не переучивать многострадальную историю нашей многострадальной страны. Историю нельзя переписать. Что было - то было. И не надо бояться признать, что и раньше, при всех режимах, не все было плохо, и теперь не все хорошо. Жизнь многоцветна.

1

Слово «рабфак» родилось в первые годы советской власти наряду с такими словами, как «ликбез», «продразверстка», «чоновец» и др. В них как бы сконцентрировалась история тех суровых лет, когда старый «мир насилья» был разрушен, а новый созидался в муках и борьбе.

Новое «рабоче-крестьянское» правительство задалось целью ударными темпами (как все, что тогда делалось) подготовить «свои», пролетарские кадры инженеров, врачей, учителей, агрономов и др. взамен старых, «буржуазных» специалистов.

Народу внушалось (и, к сожалению, небезуспешно), что все они - потенциальные враги советской власти, преграда на пути победившего пролетариата к светлому будущему. Их печатно и устно с самых высоких трибун именовали «классово-чуждым элементом» и даже «бывшими людьми». Сколько же этих «бывших людей» погибло безвинно в годы сталинских репрессий под одобрительные вопли «стихийных» митингов, под кровожадные призывы с газетных полос борцов за светлое будущее!..

После победы в гражданской войне перед рабочей и крестьянской молодежью широко распахнулись двери высших учебных заведений. Но вот беда - за плечами у этой молодежи была в лучшем случае церковно-приходская школа. С такою подготовкой вузовскую программу не осилить, а за школьную парту садиться поздно, да и долгая это песня. И вот, 17 сентября 1920 г. В. И. Ленин (помянем его хоть за это добрым словом) подписал декрет об организации при вузах страны рабочих факультетов (рабфаков) для подготовки к поступлению в эти вузы.

На рабфак принимались юноши и девушки не моложе 18 лет, с образованием в объеме начальной школы и трудовым стажем не менее трех лет. (Учитывался только физический труд. Коммунистам в трудовой стаж засчитывалось время пребывания в партии независимо от рода занятий). Непременным и даже главным условием приема на рабфак была справка о пролетарском происхождении. Вступительных экзаменов не проводилось, если не считать сочинения на вольную тему в одну-две странички. Конкурса тоже не было: на рабфак зачисляли по направлениям партийных, комсомольских, профсоюзных организаций, которым губком РКП(б) заранее доводил разнарядку.

Срок обучения был установлен в три года. За это время рабфаковцы, умеющие лишь читать, писать и знавшие четыре действия арифметики над целыми числами, должны были одолеть программу средней школы.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

В августе 1921 г., по инициативе губкома партии, губисполкома и по согласованию, разумеется, с Томским университетом, был открыт рабфак этого университета в Барнауле. Для него отвели одно из лучших по тем временам учебных зданий, в котором раньше размещалась казенная женская гимназия. Это двухэтажное деревянное здание сохранилось до сих пор, хотя вид его, по крайней мере снаружи, оставляет желать лучшего. Оно находится на пересечении Социалистического проспекта с Пушкинской улицей.

До начала занятий студенты (а среди них были мастера на все руки) произвели необходимый ремонт, побелку, переложили дымившие печи, изготовили недостающие столы, табуретки, шкафы, оборудовали общежитие на 100 человек, столовую, учебные классы, естественно-научный и физический кабинеты, химическую лабораторию и библиотеку. Для нее губоно выдал 5000 книг из числа реквизированных у частных лиц и дореволюционных учреждений. К сожалению, набор книг был не совсем удачным.

2

На рабфак было принято 200 человек от 18 до 30 лет, из них членов и кандидатов РКП(б) - 133, комсомольцев - 30, по социальному положению: рабочих - 63, крестьян - 96, красноармейцев - 15. 125 человек было зачислено на дневное отделение (30 сразу на 2-й курс) и 75 - на вечернее. (К сожалению, из-за нехватки средств вечернее отделение вскоре было закрыто). Конечно, желающих поступить было гораздо больше. Насколько велика была тяга молодежи к учебе, попробую показать на примере Наты Редченко (по мужу Хуторной) из села Клепечихи (ныне Поспелихинского района.)

Окончив церковно-приходскую школу, она с 15 лет пошла в батрачки. И замуж вышла за горемыку-батрака. Летом 1920 г. муж и младшая дочь умерли от тифа. Горе не сломило ее. Узнав, что брат Петр, проживавший в Барнауле, поступил на курсы красных учителей, захотела тоже стать учительницей. Комсомольская ячейка направила ее на курсы сельских учителей в Змеиногорск. Училась прилежно, на жизнь подрабатывала стиркой, уборкой. Но вот брат сообщил, что поступил на рабфак, загорелось и ей туда же. С курсов не отпустили, уехала самовольно, оставив четырехлетнюю дочку у родителей. Четверо суток просидела на станции Поспелиха, не могла сесть на поезд. На пятые сутки над ней сжалился старичок-машинист, взял к себе в будку.

До Барнаула добралась лишь 1 ноября. Брат, каждый день приходивший встречать, с трудом узнал сестру: столько на ней было грязи и сажи.

На рабфаке в приеме отказали: нет направления, да и занятия начались полтора месяца назад. 24 дня без пайка, без пристанища, ходила она по кабинетам партийных, комсомольских, профсоюзных начальников и везде получала отказ. Комендант общежития рабфака запретил ей ночевать там, но девушки тайком впускали Нату, даже подкармливали, чем могли.

«За это время я так всем надоела, - вспоминает она, - что даже товарищ Папардэ (зав. агитпропом губкома РКП(б), шеф рабфака - В. Г.) заявил:

- Какая ты, Хуторная, настойчивая. Я выгоню тебя и запру дверь!

Нервы мои были настолько напряжены, что я закричала:

- Ну и выгоняйте! Выгоните в дверь - залезу в окно! Я хочу учиться, я должна учиться, я батрачка, имею на это право!

И впервые за 24 дня разрыдалась. Папардэ несколько минут ходил вокруг стола, потом взял телефонную трубку и с кем-то переговорив, сказал мне:

- Иди, зачислят.

- Нет, вы напишите записку, а то опять прогонят.

Папардэ только головой покачал.

- Какая ж ты, Хуторная, настойчивая! Но записку написал...»

Леонида Андреевича Папардэ рабфаковцы очень уважали. Рассказывали, что в ту голодную пору он отказался от увеличенного пайка, полагающегося ему как ответственному партработнику, и передал его в детский дом. В 1937 г. он стал жертвой сталинских репрессий...

3

Для рабфака подобрали самых лучших преподавателей, какие только были в городе. Достаточно сказать, что из 21 человека 14 имели высшее образование. Позже одна из московских комиссий отметила, что редкий из рабфаков в европейской части России может похвалиться таким педагогическим коллективом. Заведующим рабфаком и одновременно преподавателем физики и математики стал Рогов Дмитрий Алексеевич, питомец Московского университета, автор трех учебных пособий; учебной частью заведовал и одновременно географию преподавал известный поэт Казанский Порфирий Алексеевич, автор популярного учебника «Конспективный курс географии для взрослых учащихся», изданный в Барнауле в 1922 г.; любимцем рабфаковцев стал 28-летний преподаватель русского языка и истории

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

литературы Федосеев Гавриил Сергеевич, выпускник Томского учительского института; ботанику преподавали известный исследователь природы Алтая Верещагин Виктор Иванович и ученый лесовод Перетолчин Константин Павлович, химию - автор нескольких научных работ Поплавский Казимир Болеславович, русский язык и словесность - Шубкин Николай Феоктистович.

В напряженной учебной программе рабфака нашлось место и для краеведения (тогда его называли алтаеведением). Занятия, по 2 часа в неделю, вели композитор и этнограф Анохин Андрей Викторович и бывший заведующий землеустройством Алтайского округа, видный краевед Юхнев Павел Михайлович. Рисование и черчение преподавали художники Никулин Андрей Осипович и Худяшев Александр Виссарионович. Большинство их одновременно вели уроки в других учебных заведениях, ибо прожить, да еще с семьей, на одну учительскую зарплату было в то время почти невозможно. Так и хочется провести параллель с сегодняшним временем...

Одно лишь, я думаю, портило настроение губернскому начальству: из 21 преподавателя был всего один коммунист, один меньшевик (Порфирий Казанский), остальные беспартийные, из них большинство - непролетарского происхождения. Словом, «классово-чуждый элемент». Но заменить их было пока некем. Позже под каток сталинских репрессий попали П. А. Казанский, Н. Ф. Шубкин, В. И. Верещагин. Скорбный этот список наверняка не полон, но многие преподаватели рабфака покинули Барнаул, и судьба их неизвестна.

4

17 августа 1921 г. состоялось торжественное открытие рабфака. Был митинг с участием губернского и городского начальства, пением «Интернационала» (им тогда начинались и заканчивались все собрания, конференции, съезды), полоскались на ветру алые флаги, произносились пламенные речи о славном будущем «зародыша высшего образования на Алтае».

В тот же день было избрано руководство рабфака. Высшим его органом был совет, а в промежутках между его заседаниями -президиум совета в составе: заведующий рабфаком, заведующий учебной частью и один представитель от студентов. Учебной частью ведал факультетский совет, а внутренней и хозяйственной жизнью, поддержанием дисциплины -студенческий комитет.

Надо сказать, студенческая демократия была отнюдь не показушной. Так, в 1922 г. член президиума студент Степан Макаров некоторое время даже исполнял обязанности заведующего рабфаком.

Занятия начались 18 августа. Через месяц рабфак покинули по разным причинам 43 человека, из них 24 были «вычищены» мандатной комиссией за недостаточно пролетарское происхождение (в основном дети кулаков).

Классовая непримиримость студентов просто поражает. Так, в комиссию по чистке было направлено письмо 16 рабфаковцев с обвинениями в адрес своего товарища - Александра Кузнецова из с. Контошино (ныне Косихинского района). В нем говорилось, что он «является антисоветской личностью с уклоном к монархизму, залезшим в рабфак под обличием в скорлупу хитрости и ловкости применяться ко всевозможным условиям жизни... Исключен из партии как кулак: имел мельницу и несколько рабочих... Заслуживает быть выброшенным из среды пролетарской массы».

Член комиссии по чистке, он же секретарь комячейки Дмитрий Попов дал такую характеристику студентке Галине Циркуновой: «Насколько я знаю, это не есть слушательница рабфака и будущий работник, а скорей порозит на здоровом рабочем теле. Если она сейчас, в то время когда учится в рабфаке, выглядывает «барыней», то что будет когда кончит?.. Что касается о ее физическом производственном стаже, то вещь довольно-таки сомнительная, чтобы она работала на заводе или фабрике. Короче говоря это не более как «мамина дочка».

Попова не остановило то, что Галина была дочерью губернского военного комиссара Юлиана Гавриловича Циркунова (в сентябре 1922 г. он был назначен заведующим рабфаком). Гнев Попова, как я предполагаю, вызвало то, что Галина лучше других одевалась и выглядела «барыней» на фоне других рабфаковок, ну и немножко заносилась, наверно, по молодости и по глупости. Но деток начальников и тогда не давали в обиду. Галину Циркунову вскоре перевели на другой рабфак, в Москву...

Эта ненависть исконных пролетариев к «классово-чуждому элементу», искусно подогреваемая и поощряемая большевистской властью, сыграла зловещую роль в годы раскулачивания, насильственной коллективизации и разгула Большого Террора. Репрессии в нашей стране никогда не достигли бы такого размаха, не будь у чекистов столько добровольных помощников...

К 1 октября 1921 г. на рабфаке осталось 157 студентов (138 мужчин и 19 женщин). Вскоре на него обрушилась череда тяжелейших испытаний.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

5

Давайте вспомним, читатель, то время - начало 20-х годов. Разруха, эпидемии, крестьянские мятежи, вызванные продразверсткой и сменившим ее продналогом, а также ошибками и перегибами местных властей, еще неопытных и слабых. Но, пожалуй, самым тяжким испытанием был голод. Летом 1921 г. он принял катастрофические размеры. Причиной явилась засуха в ряде районов страны. Особенно сильной она оказалась в Поволжье, где погибли не только посевы и травы, но даже листва на деревьях. Засуха охватила 13 губерний, в которых проживало 22 миллиона человек - пятая часть населения Республики. Это был главный хлебородный район России, дававший третью часть всего хлеба. Теперь эта треть оказалась потерянной для разоренной и без того страны. Уже летом 1921 г. жители Поволжья ели траву, дубовую кору, солому, перетирая ее в ступке, размолотые кости животных. Участились случаи людоедства, самоубийств. Ослабевших людей косил тиф, желудочные заболевания. Особенно велика была смертность среди детей.

И вот из того ада кромешного на Алтай (говорю только об Алтае) хлынули волны беженцев. К октябрю 1921 г. их насчитывалось 15772 человека. Оттуда же прибыло три эшелона - около 4000 детей-сирот и «самотеком» - огромное число беспризорников, грязных, вшивых, нередко больных.

И взрослых, и детей надо было как-то размещать, лечить, а главное - кормить. На Алтае в это время шел сбор продналога. Он оказался ничуть не легче продразверстки. (Крестьяне говорили: те же штаны, но пуговками назад.) Дело в том, что правительство увеличило размер продналога в губерниях, не пострадавших от засухи. Так, если по стране он составлял 12-15 процентов валового сбора, по Сибири -20, а на Алтае - 37!.. И такой налог губерния выполнила, причем первой в Сибири, но большинство крестьянских хозяйств было разорено. Даже губком РКП(б) вынужден был признать, что собрать такой налог «без нажима невозможно». Как осуществлялся этот нажим, теперь хорошо известно. Это был настоящий военный поход против крестьян, предвестник раскулачивания и насильственной коллективизации. В сентябре - октябре в этом походе, по распоряжению губкома РКП(б), участвовало 44 рабфаковца.

Я напрасно пытался выяснить, как они чувствовали себя при этом. Ведь хлеб выгребали не только у «кулаков», а у всех подряд, в сущности у своих отцов и братьев! Ответа не нашел. При сборе продналога в Сузопской волости (ныне в Солтонском районе) был убит «кулаками» рабфаковец Григорий Дрюпин, крестьянин из с. Загайново Бийского уезда. Подробности его гибели неизвестны...

В такой вот обстановке даже в хлебородной Алтайской губернии были установлены жесткие размеры продпайка, а их количество утверждалось Центром. Стоит ли удивляться тому, что губпродкомиссар не смог выделить рабфаку 200 продпайков! А с введением НЭПа (январь 1922 г.) все культпросветучреждения, за исключением губсовпартшколы и пунктов ликбеза, были сняты с госснабжения.

В Москву выехал член президиума совета рабфака студент Владимир Воронов - ходатайствовать от имени губкома партии и губисполкома о сохранении рабфака. Ведь Алтай так беден кадрами!..

Новости он привез неутешительные. Наркомпрос согласился утвердить Барнаульский рабфак, но лишь как вечерний, без интерната и пайков для студентов. Но как прожить без пайка? И куда деваться иногородним, а их было большинство, если закроют интернат?..

В марте были отменены пайки и для преподавателей рабфака.

6

Часть рабфаковцев не выдержала, разъехалась по домам, остальные, 93 человека, решили не сдаваться. Созвали общее собрание, пригласили на него преподавателей (их осталось 13), попросили их не оставлять рабфак, пообещав помочь с продпайками. Те согласились заниматься с ними бесплатно.

Пропасть рабфаку не дали коммуны и нарождающиеся колхозы, куда выехали студенты для сбора пожертвований. Агитация их была простой: «Вы поможете вашим детям выбраться из темноты, они расчистят вам путь к светлому будущему».

В краевом госархиве хранится немало свидетельств этой бескорыстной помощи. Коммуна «Красная роза» Каменского уезда в ответ на обращение студента Ивана Молоткова (кстати, бывшего политрука Красной Армии) постановила: «Принимая во внимание как в г. Барнауле учится чисто пролетарский элемент и если достигнут целей науки будут стоять на страже революции, а посему отчислить три пуда пшена».

Коммуна «Проснись, бедняк» (с. Лосиха), заслушав выступление студента Маркела Саратова, постановила: «Принимая во внимание, что рабочий факультет находится в критическом положении как в смысле продовольствия, так и в транспорте мы коммунары жертвуем в пользу пролетарского студенчества лошадь».

Коммуна «Новый мир» Плотниковской волости, кроме 10 пудов пшеницы, расщедрилась еще и на одного барана.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Эти примеры можно продолжать и продолжать.

Ната Редченко (Хуторная) пишет в своих воспоминаниях: «Помню, я привезла пуд гороха, а мой брат Петр сумел привезти не только пшено, но даже мед и масло. На студенческом собрании было решено выдавать пайки преподавателям. Кроме крупы им выделили немного масла и меду. Как они благодарили нас! Ведь у каждого из них были дети... В студенческие пайки мед и масло решили не включать, а оставить их больным тифом...»

Часть студентов ходила по городу, нанималась на любую работу, лишь бы платили. «Иногда работавшие на бойне, - вспоминает Ната Редченко, - приносили кусок коровьего желудка. Это было большим лакомством...»

Немного помог и губком партии - выделил 150 пудов муки и небольшую сумму денег.

Некоторые коммуны, направляя своих членов на рабфак и зная о голодовке в городе, заранее обеспечивали их продовольствием. Так, Артем Судейко из коммуны «Светлая» (ныне Завьяловского района) привез с собою два воза продуктов, а студент из Верх-Чумышской коммуны (фамилия неизвестна) - 34 пуда пшеницы, 30 фунтов пшена и вдобавок привел 6 коров и трех лошадей. Коров забили на мясо.

Устраивали платные спектакли, танцевальные вечера, сдавали в аренду актовый зал... «Хлеба часто не было, - вспоминает Ната Редченко, - пекли пшенные лепешки, варили жидкий пшенный суп, заправленный каким-то жиром. Но учебу никто не бросал...»

Мест в интернате хватило не всем, часть студентов жила на частных квартирах, рабфак оплачивал их по тарифу. Прижимистых домовладельцев это не устраивало. Так, хозяин квартиры, в которой поселилась Лена Хахалина с несколькими подругами, самым настоящим образом выморaживал непрошенных квартиранток. В комнате чернила замерзали. Но девчата держались стойко...

Так зиму и продержались. Но это еще не все. Вернемся к воспоминаниям Наты Редченко. «Когда закрыли рабфак, электростанция отключила свет. На последние гроши мы покупали свечи в Петропавловском соборе, при их тусклом свете занимались в классе, а в общежитии садились возле печки, один жег лучину, другой читал учебник, остальные слушали... По некоторым дисциплинам и учебника не было, лишь конспект лекции, продиктованной преподавателем...»

«В морозные ночи они мечтали об Алтайском университете, политехникуме», - пишет завуч рабфака Порфирий Казанский в одной из газетных статей. И еще, представьте себе, не расставались с песней. Одной из самых любимых была «Вышли мы все из народа...»

Рабфаковцев трудно было увидеть без учебника или конспекта. Они не расставались с ними даже в столовой.

Далеко не все преподаватели сразу поверили, что из этих великовозрастных полуграмотных парней и девушек выйдет какой-либо толк. Но их невероятное упорство в учебе, жажда знаний разубедила самых отъявленных скептиков. Один из преподавателей с нескрываемым восхищением писал в газете «Красный Алтай» 22 февраля 1922 г.: «Ни в каком ином учебном заведении, ни в какой школе вы не встретите такого серьезного отношения к науке, как здесь. Здесь нет беспечно учащихся на счет родителей или родственников, как нет избегающих занятий или радующихся малому числу учебных часов, пропускам, повторениям и т. п. Стремление скорее понять, усвоить и двинуться дальше - вот основная черта занятий на рабфаке...»

По прошествии этой невероятно трудной зимы успеваемость рабфаковцев на июньских экзаменах оказалась на удивление высокой: 47 процентов получили высший балл, 37 - средний и лишь 16 не выдержали экзаменов. Это был подвиг. Рабфаковцы доказали право на существование. Первым отреагировал губком партии. Там поверили, что из этих упрямцев могут выйти прекрасные специалисты, притом беспредельно преданные партии и советской власти. И губком решил, не ожидая милостей из Москвы, «усыновить» рабфак. Собрал представителей губсовнархоза, губпродкома, губсоюза, губземотдела, губздравотдела, губкоммунотдела и расписал им, сколько и каких продуктов, а также денег обязан поставить каждый из них рабфаку. Словом, организовал еще одну небольшую продразверстку, обеспечив рабфак продовольствием на целых полгода. Кроме того, обязал губздравотдел бесплатно лечить рабфаковцев и бесплатно выдавать им лекарства по рецептам врачей, а губкоммунотдел - освободить рабфак от платы за аренду помещений.

Несколько позже тот же губком РКП(б), как говорится, волевым решением раскрепил рабфаковцев по предприятиям и учреждениям, обязав тех ежемесячно выплачивать им стипендию.

В октябре 1922 г. студенческий паек увеличился с 25 до 45 фунтов муки в месяц, а студентам, активно работавшим на выборных должностях, стали выдавать даже по два пайка. Каждому студенту выдали по полфунта масла. Малокровным и ослабленным стали выдавать дополнительный паек: белый хлеб, молоко, масло, яйца.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Наконец-то рабфаковцы вздохнули свободнее. Теперь они сами могли немного жертвовать в пользу голодающих. «В столовой появились вкусные мясные блюда, - вспоминает Ната Редченко, - белоснежные скатерти, суповницы, тарелки и даже... салфетки».

Но перенесенные лишения не прошли даром. Медицинская комиссия обнаружила среди рабфаковцев девять больных туберкулезом, пятнадцать - невростенией, четырнадцать -малокровием, почти все остальные были признаны ослабленными и переутомленными. Туберкулезников направили на курорт, больным сельским жителям разрешили выехать домой -подкормиться и заодно что-нибудь заработать на уборке урожая.

24 рабфаковца выехали в оздоровительную экскурсию. Их неплохо снабдили деньгами и строгим предписанием губисполкома местным властям оказывать студентам всяческое содействие. Формально экспедицию возглавил студент Молотков, фактически ею руководил В. И. Верещагин. От станции Аул они прошли и проехали по маршруту: Локоть, Егорьевское, Змеиногорск, Бугрышиха. Отсюда верхом на лошадях проехали к Тигирецким белкам и вернулись домой тем же путем. В селах проводили политбеседы, выступали с докладами и от пуза, как говорится, пили кумыс, молоко, уплетали за обе щеки мясо, овощи, яйца, а в одном из сел даже вишни. За все исправно платили. Вместо двух недель пропутешествовали почти четыре. Вернулись окрепшие, загорелые, полные впечатлений.

Но мы забежали вперед. Вернемся к началу 1922-1923 учебного года. Был произведен новый набор - 60 человек. Жизнь потекла спокойно, без срывов и нервотрепки. И вдруг как гром среди ясного неба - приказ из Москвы: рабфак закрыть, студентов передать в Томский рабфак, причем не всех, а только 60 человек, остальных распустить по домам. И это после всего пережитого?

Снова решили не сдаваться, занятия продолжать, а в Москву направить члена президиума студента Смирнова. Вернувшись, он поведал: рабфак решили закрыть потому, что Барнаул, по мнению московского начальства, не является пролетарским центром, и, стало быть, рабфаку через два-три года не из кого будет набирать студентов с истинно пролетарским происхождением. Остальное население в расчет не принималось. Такие были времена.

С большим трудом губкому партии и губисполкому удалось добиться отмены этого, извините, дурацкого приказа.

Летом 1923 г. на рабфаке состоялся первый выпуск. Окончили его 30 человек. Все они без экзаменов сразу были приняты на 2-й курс Томского университета. «Мы вернем долг народу и государству, став со временем красными специалистами», -заявили выпускники перед отъездом.

7

Неправильно будет представлять рабфаковца уткнувшимся с утра до ночи в учебник или конспект. У них в здании недаром висел лозунг: «Не может быть хорошей учебы без общественной работы». Судя по воспоминаниям, рабфаковцы уделяли ей столько времени и сил, что поневоле удивляешься, когда они успевали учиться. Так, летом 1923 г. 40 рабфаковцев были командированы в Барнаульский, Бийский, Рубцовский уезды для проведения краткосрочных курсов повышения квалификации сельских учителей. С конца 1922 г. в села выезжали специально созданные бригады-«передвижки» для ликвидации неграмотности крестьян.

Они регулярно выступали на предприятиях, в клубах, школах Барнаула с докладами и инсценировками, имевшими большой успех. «18 марта 1922 г., - пишет в воспоминаниях Анна Ивановна Смирнова, - рабфаковцы выступили в партклубе с докладом о Парижской коммуне, после чего была показана инсценировка по роману Виктора Гюго «Отверженные». На сцене у каменной стены (разрисованная фанера) расстреливали коммунаров. Смертью героя погиб, сражаясь вместе с коммунарами, юный Гаврош. В зале напряженная тишина, у многих на глазах слезы, затем долгие и щедрые аплодисменты».

Большое внимание уделялось антирелигиозной пропаганде. Чтобы отвлечь молодежь от церкви в дни религиозных праздников, рабфаковцы устраивали у себя танцы, веселые игры, религиозные диспуты. И нередко случалось, что молодежь, минуя соседний Петропавловский собор, направлялась к ним.

Однажды устроили диспут с церковниками на тему: «Есть ли Бог и царство небесное?» Перед церковниками поставили вопрос: «Если Бог есть, почему он не помогает голодающим Поволжья?» Церковники убедительного ответа дать не сумели, и оппонент-рабфаковец с торжеством заявил: «Царство небесное нам не нужно. Мы будем строить свое царство свободы и справедливости на земле - коммунизм!».

Одним из популярных видов агитационной работы в то время были так называемые общественные «суды». Так, в школе имени III Коминтерна рабфаковцы устроили «суд над советской властью». Любопытных набралось уйма. Обвиняте-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

лями выступили «поп», «купец», «мещанин», защитниками - «рабочий», «крестьянин», «коммунист», «комсомолец», «делегатка». Они, конечно, в пух и прах разнесли обвинителей. «Суд» закончился многократным скандированием «Да здравствует советская власть!»

Был еще такой вид агитационной работы - «живая газета». Рабфаковцы выходили на сцену с песней:

Мы синеблузники, мы профсоюзники,
И мы веселою гурьбой
Мир перестроим и вновь построим
Своей работой и борьбой.

Затем пели сатирические частушки собственного изготовления на злобу дня, порой с короткими инсценировками. Успех у рабочей аудитории был полный.

Из всех кружков, действовавших на рабфаке, наиболее популярным был драматический. В него записалось 55 человек. А из самодеятельных артистов, по всеобщему признанию, наиболее одаренной была Валя Чеснокова. Ей предсказывали большое будущее на сцене, но судьба распорядилась по-другому.

Руководителем кружка был Сергей Кузьмич Ляликов, известный в свое время поэт, фельетонист газеты «Красный Алтай», драматург (его пьесы с успехом шли на сценах рабочих клубов, часть была издана даже в Москве). Лишь за февраль и половину марта 1923 г. силами драмкружка были поставлены для учащихся совпартшколы и школы имени III Коминтерна пьесы: «Савва» Л. Андреева (дважды), «Песня горя» Александрова (дважды), «Недуг времени» Саксаганского, а также инсценировки по рассказам А. П. Чехова «Злоумышленник» и И. С. Тургенева «Касьян с Красивой Мечи». Два спектакля были платными, сбор пошел в пользу Красного Флота, охраны младенчества и материнства.

Надо сказать, рабфаковцы очень любили театр, охотно соглашались быть статистами в массовых сценах, лишь бы чаще бывать в нем.

Кипела жизнь и в литературном кружке. Руководителем, а лучше сказать, его душою был преподаватель истории литературы и русского языка Федосеев Гавриил Сергеевич. Вот лишь краткий и неполный перечень докладов и диспутов, проведенных литкружковцами: «Литература Петровской эпохи», «Шиллер и социалисты», «Пушкин как представитель дворянства (по его произведениям)», «Мужик в русской литературе XIX века», «Байронические настроения в произведениях Лермонтова», «Блок и мистицизм в русской литературе», «Литературный суд над Маяковским», «Прав ли был Тарас Бульба, убивший своего сына-изменника Андрея?»

Нередкими и желанными гостями литкружковцев были поэтесса Лидия Лесная и успешно начинавшая творческий путь Анна Караваева.

Литкружковцы издавали рукописный журнал «Рабфаковец». Кто-то из них пробовал свои силы в литературном творчестве. Жаль, что не сохранилось ни одного экземпляра этого журнала, а как интересно было бы его теперь почитать!..

Был на рабфаке и хоровой кружок, руководил им известный музыкант Антоний Иванович Марцинковский. За каждое выступление хора ему платили как за три часа работы.

Как известно, в те годы, в связи с крестьянскими мятежами, практически все коммунисты, годные по возрасту и здоровью к военной службе, а также часть комсомольцев состояли в частях особого назначения (ЧОН). Не захотели отставать от жизни и рабфаковцы. Они тоже, по своему почину, сколотили у себя «роту ЧОН». Правда, по численности (33 человека) ее правильнее было бы назвать взводом. В «чоновки» записалось даже несколько девушек. На первомайской и ноябрьской демонстрациях «рота ЧОН» браво вышагивала отдельной колонной с песнею «Вперед, заре навстречу...» На сей случай им выдавали даже винтовки. Несмотря на пеструю, мягко скажем, обмундировку: видавшие виды шинели, бушлаты, пальто, ботинки, чуни, сапоги - все латаное-перелатаное, они тем не менее, говорят, производили сильное впечатление. На этих демонстрациях роль «роты ЧОН» в общем-то и заканчивалась...

В обычае у рабфаковцев было каждую субботу собираться в комнатах общежития и устраивать самобичевание - разбирать недостатки друг друга - и свои тоже - в отношении к учебе, товарищам и т. д. Получивший замечание обязан был к следующей субботе его исправить. Если он этого не сделал, то подвергался еще более суровой критике.

Правильным считалось отношение к женщине просто как к товарищу по учебе и работе. Считалось буржуазным пережитком подавать ей пальто, тем более целовать руку. Впрочем, от тяжелых работ рабфаковцы их по-рыцарски освобождали.

О любви стеснялись говорить даже женатые (замужние). Но молодость брала свое. За время существования рабфака на нем состоялось две свадьбы, разумеется, не по церковному обычаю. Самой первой нашла, как говорят, свое счастье красавица-артистка Валя Чеснокова. Ее избранником стал сокурсник Анатолий Ковалев. Когда у них родился сын, ему устроили веселые «октябрины»,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

бывшие тогда в большой моде. Мальчику дали имя КИН (Коммунистический интернационал). «Расти на страх мировому капитализму!» - произнес на «октябринах» счастливый папаша.

«Сын вырос - косая сажень в плечах, - пишет в воспоминаниях Валентина Ивановна. - В 1941 г., с первого курса политехнического института, был призван в армию. В 1943-м погиб на фронте. Было ему 20 лет...»

Сыну, родившемуся у второй супружеской пары, дали, тоже на «октябринах», имя ВИЛ. Надеюсь, расшифровывать эту аббревиатуру нет надобности.

У рабфаковцев, особенно на первых порах, было очень плохо не только с питанием, но также с одеждой и обувью. Не от хорошей жизни на каждого из них при поступлении заводилась, как на солдата, арматурная карточка. Вот из чего, к примеру, состоял гардероб Вали Чесноковой: верхнего платья - 2, белья - 2, полушубок - 1, бродни (по Далю: мужичьи сапоги с мягкими голенищами, которые подвязывались над щиколотками и под коленями - В. Г.) - 1 пара, сапоги - 1 пара, полотенец - 2, наволочек на подушку - 2, матрац - 1, одеяло - 1, простыней - 2.

Вряд ли она была самой бедной. Когда рабфаку что-нибудь перепадало из одежды и обуви по линии, так сказать, централизованного снабжения, оно распределялось решением президиума совета среди самых-самых нуждающихся, предварительно проверенным месткомом. Были такие, кому буквально не в чем было выйти на улицу. Но марку рабфаковцы держали. Когда кому-нибудь надо было сфотографироваться или просто выйти в «чужие люди», его одевали всем миром. Положение несколько улучшилось лишь к концу 1922 г. Завели свою портновскую мастерскую, тем более что стали чаще получать какой-никакой материал для пошивки рубашек, брюк и пр.

22 июня 1924 г. Барнаульский рабфак был окончательно закрыт. 34 человека, окончившие 3-й курс, разъехались по разным институтам, остальные направлены в Омский и другие рабфаки.

8

Жительница Барнаула Анна Ивановна Смирнова после рабфака окончила академию коммунистического воспитания (была такая в Москве) и долгие годы трудилась на педагогической, партийной, профсоюзной работе, в журналистике. Издала две книжки: «Пламенные революционерки (1960) и «Воспитанницы партии» (1967). Задалась целью написать третью - о Барнаульском рабфаке. Много лет копалась в архивах, разыскивала по всей стране бывших рабфаковцев, они присылали ей теплые письма, фотографии, охотно делились воспоминаниями. К сожалению, осуществить свою задумку не успела. Но собранный ею богатейший материал и черновой материал рукописи хранятся в надежном месте - в архиве. Наверно, он уже не раз послужил и еще послужит исследователям, интересующимся историей Барнаульского рабфака. Он является прекрасным дополнением к сухим архивным документам, а главное - позволяет проследить, как сложилась дальнейшая судьба многих его питомцев. А сложилась она по-разному.

Сын бийского рабочего **Плаченов** Тихон Григорьевич окончил Ленинградский технологический институт, защитил кандидатскую, затем докторскую диссертации, стал профессором. Автор трех учебных пособий и более 300 научных статей. С 1967 г. - заслуженный деятель науки и техники СССР.

Дрожжин Иван Михайлович, уроженец с. Малахово Косихинского района, бывший командир пулеметного взвода в партизанском отряде Рогова, стал кандидатом сельскохозяйственных наук.

Денисов Федор Иванович, тоже кандидат сельскохозяйственных наук, а последние годы жизни был доцентом Алтайского сельскохозяйственного института (ныне аграрный университет).

Пелагея Андреевна **Тарасова** окончила Томский медицинский институт и 25 лет работала врачом в Горном Алтае.

Артем Федорович **Судейко** остался верен своей «малой родине»: по окончании сельскохозяйственного института до самой пенсии работал агрономом в родном Завьяловском районе.

Рахманова Апполинария Семеновна первые пять лет после окончания института работала парторгом в племсовхозе «Катунь» Бийского района, затем первым секретарем Локтевского райкома ВКП(б), а в годы Великой Отечественной войны - заместителем по политчасти начальника эвакогоспиталя для раненых воинов. Демобилизовалась по ранению в звании капитана.

Не могу умолчать о том, что, работая в совхозе, она вместе с начальником политотдела совхоза Антоновым немало поспособствовала аресту органами НКВД, по ложному обвинению в шпионско-диверсионной деятельности, директора совхоза Гуменюка Ивана Степановича и сменившего его Зенкова Глеба Степановича, а также старшего зоотехника Дорошенко Константина Васильевича, ветврача Андреева Владимира Ивановича и телятницы Анохиной Апполинарии Ивановны. В 1938 г. Г. С. Зенков и К. В. Дорошенко были расстреляны, остальные получили по

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

десять лет лагерей и пять лет поражения в правах. В 1962 г. все они были полностью реабилитированы «за отсутствием состава преступления».

Холодная Анастасия Ивановна (Ната Редченко) окончила Ленинградский медицинский институт, работала врачом в Магнитогорске, Кузбассе, Николаевске-на-Амуре.

Земной Вадим Павлович, уроженец с. Завьялово, бывший партизан, после рабфака окончил Коммунистический университет, стал писателем. Автор 17 книг поэзии и прозы, делегат 1-го съезда советских писателей (1934 г.). Участник Великой Отечественной войны.

Стал писателем и еще один рабфаковец - Алексей **Попов** («Алеша Кипяток»). Доучиться на рабфаке ему не дали: в 1922 г. он был отозван в распоряжение Сиббюро ЦК РКСМ и назначен редактором журнала «Пролетарские побеги». Написал роман «Покорители тундры». Погиб в годы сталинских репрессий.

Потапова Ксения Степановна после окончания сельхозинститута работала агрономом селекционной станции. Вывела новый сорт люцерны. С 1951 г. заведующая отделом подготовки кадров Алтайского крайсельхозуправления.

Хахалина Елена Григорьевна после окончания Ленинградского медицинского института была оставлена при аспирантуре, защитила кандидатскую диссертацию, в годы войны служила начальником эвакогоспиталя в осажденном Ленинграде, после направлена на советскую работу. 11 лет была заместителем Ленинградского облисполкома. Награждена орденами Отечественной войны, Красной Звезды, а в послевоенный период - Ленина и Трудового Красного Знамени. Дважды избиралась депутатом Верховного Совета РСФСР. В письме автору этих строк писала:

«Я пришла в рабфак с тремя классами образования, но с восьмилетним трудовым стажем. Рабфак открыл перед нами широкие перспективы. Мне выпало великое счастье прожить три года в семье рабфаковцев. Здесь мы узнали цену настоящей дружбы. Мы всегда что-то обсуждали, что-то решали, выполняли различные поручения партийной и комсомольской организаций. Трудностей жизни не замечали. Это наложило определенный отпечаток на наш характер, сыграло огромную роль в преодолении трудностей и сложностей, которых было с избытком у нашего поколения...»

Секретарь партячейки рабфака Григорий Николаевич **Веденеев** добровольцем пошел в Красную Армию. В Барнаул прибыл в составе 26-й стрелковой дивизии, где брат его был комиссаром одной из частей. Вскоре он умер от тифа. Его именем был назван гарнизонный клуб. А Григорий умер от дистрофии в одном из лагерей ГУЛАГа...

С Валентиной Тихоновной **Чесноковой** мне довелось познакомиться лет 15 тому назад. Ей было уже около 80 лет, но сколько же у этой все еще красивой, стройной, со вкусом одетой старушки сохранилось от комсомолки 20-х годов: острый интерес ко всему, что делается в мире, твердость убеждений и вместе с тем обаятельная душевная открытость, пренебрежение к личной выгоде и прочим меркантильным интересам!..

Зашел, конечно, разговор о рабфаке. Вот что она мне поведала: «После рабфака мне советовали идти в театральное училище. Но нам объяснили: стране нужны учителя. И я поступила на педфак Московского университета. Даже после университета один из профессоров советовал поступить в консерваторию, обещал помочь. У меня был голос. Но куда там! Только на фронт просвещения и не куда-нибудь, а в глубинку, поближе к народу, так мы нужнее!.. Так всю жизнь и проработала учительницей. И не жалею об этом. Обе дочери тоже стали учительницами. А сын Кин погиб на фронте в сорок третьем...»

В одном из писем Валентины Тихоновны Анне Ивановне Смирновой я прочитал такие строки: «Дорогая Аня, то были, пожалуй, самые лучшие годы нашей жизни. Пусть мы были голодные, пусть имели только по одному ситцевому платью или даже из мешковины, но ведь мы тогда этого даже не замечали... Мы жили совсем другими интересами, мы в полном смысле слова горели на нашем, пусть и маленьком, участке труда и борьбы. А какое мы испытывали колоссальное удовлетворение от наших маленьких побед!.. Но ведь нас было много, и поэтому наши маленькие победы складывались уже в большую.

О наших подвигах не будет петь страна.
Но все, что делали, мы делали на совесть.
Среди других и наши имена
Короткою строкой войдут в большую
повесть...»

Под этими словами, думается мне, охотно подписались бы все рабфаковцы...

Из славного племени барнаульских рабфаковцев в живых, насколько мне известно, уже никого не осталось. Они сыграли, как говорят, свою роль на сцене жизни и с достоинством ушли, освободив место другим.

Какими они видятся вам, читатель, сквозь дымку лет?..

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru